

[Рец. на: / Review of:] **R. Nicolova. Bulgarian grammar.** Berlin: Frank & Timme GmbH – Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2017. 714 S. ISBN 978-3-7329-0224-8.

Елена Юрьевна Иванова

Elena Yu. Ivanova

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
e.y.ivanova@spbu.ru

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e.y.ivanova@spbu.ru

В 2017 г. в издательстве «Frank & Timme» вышла книга известного болгарского лингвиста Руселины Ницоловой «Bulgarian grammar». В ее основе лежит болгарская версия грамматики [Ницолова 2008/2013], существенно дополненная и переработанная для нужд иноязычного читателя: добавлен ряд новых разделов, внесены изменения в иллюстративный материал, введено глоссирование при анализе наиболее сложных форм, прежде всего в области глагольных категорий. Все болгарские примеры транслитерированы и снабжены переводом на английский язык. Перевод текста книги на английский язык, осуществленный Христо Стаменовым, отмечен Союзом переводчиков Болгарии специальной наградой в области перевода научной литературы.

«Bulgarian grammar» (далее BG) представляет собой семантически и функционально ориентированный тип научной грамматики, что существенно отличает этот труд как от описательных грамматик предшествующего периода, см. [Стоянов 1964; Андрейчин 1978] и др., так и от теоретической грамматики И. Куцарова [2007], где предложена стройная система морфологических категорий и их парадигм, но с ограниченным вниманием к семантическим вариациям и функционированию этих форм. Лишь в кратком изложении представлена семантика грамматических форм и в наиболее известной у нас «Грамматике болгарского языка» Ю. С. Маслова [1981a].

В книге Р. Ницоловой предлагается иной ракурс подачи и анализа материала. Во-первых, в фокусе внимания автора находятся грамматические значения, особенно те, которые характеризуются как прагматически обусловленные, см. об этом далее. При этом авторский вклад в осмысление грамматических явлений очевиден в большинстве разделов, посвященных грамматическим категориям. В книге предложены авторские концепции категории детерминации, семантической классификации местоимений, представлена новая модель описания темпоральной системы и таксиса, новая структура категории эвиденциальности, новая группировка граммем наклонения и др.

Во-вторых, книга с очевидностью ориентирована на типологически важные грамматические черты болгарского языка, что вполне ожидаемо, учитывая научные интересы Р. Ницоловой, в частности ее участие в нескольких проектах Петербургской типологической школы [Ницолова 1998; 2004; 2007; 2009; (в печати)]. Такой ракурс особенно значим при описании болгарского глагола, для которого характерны многие обсуждаемые типологами грамматические параметры, однако автор предельно внимателен и к другим морфологическим и морфосинтаксическим особенностям болгарского языка, которые отличают его от большинства славянских языков и которые имеют параллели с языками генетически отдаленными. Этому вопросу посвящена и отдельная глава работы, см. ниже.

Грамматика предваряется кратким введением «The Bulgarian language», содержащим сведения о носителях болгарского языка (15 млн человек) и территории его распространения, а также заметки об истории болгарского языка и его диалектном членении.

Грамматическое изложение начинается с вводной теоретической главы «Morphology as a branch of linguistics», в которой даны определения основных понятий из области морфологии: ее предмет, морфологические единицы — морфема и слово (с промежуточной

областью клитик, устанавливаемых по фонетическому принципу), морфологические категории и оппозиции, модели морфологического описания, вслед за [Плунгян 2003: 72–78]; в BG принята «словесно-парадигматическая» (word-and-paradigm) модель [Matthews 1972]. Подразделы 0.2.2–0.2.13, предназначенные раскрыть связи морфологии с другими языковедческими дисциплинами, не ограничены стандартными формулировками о соотносительности морфологии с фонетикой, словообразованием, лексикой, синтаксисом: сюда введен обзор семантических ролей и других терминов семантического представления предложения, а также компонентов информационной структуры высказывания. Для использования в работе приняты термины «топик — комментарий» и «фокус — фон». Семантическим и коммуникативно-значимым факторам действительно отводится важная роль при дальнейшем описании грамматических категорий. Как средства выражения информационной структуры высказывания описываются такие морфологические явления болгарского языка, как детерминация, клитические и полные формы личных и притяжательных местоимений и их морфосинтаксические особенности и мн. др.

Анализ частей речи предваряют две ценные главы типологического характера. В первой из них, «General characteristics of Bulgarian morphology» (заметим, что главы в книге не имеют нумерации, поэтому они далее будут обозначаться по заголовку), перечислены характеристики болгарского языка как языка генеалогически славянского, но приобретшего черты языка балканского языкового союза. На другой типологической главе, названной «Typological features of Bulgarian morphology», остановимся подробнее: эта часть не только является обобщением типологических воззрений Р. Ницоловой, но и в сжатом виде представляет авторское видение системы грамматических значений болгарского языка и тех аспектов их реализации, которые далее находят свое подробное описание в рамках той или иной категории.

Основными особенностями болгарской морфологии называются: **единообразие парадигм** (uniformity; «a uniform paradigm is organized unequivocally and has no allomorphs», с. 61, вслед за [Mayerthaler 1981: 34]), отчетливо выраженная **симметрия** в ряде субсистем, **синкретичность** в некоторых звеньях, высокая степень **грамматикализации**.

Так, тенденция к **единообразию** наблюдается в распределении двух разных маркеров будущего времени в положительной и отрицательной парадигме: как в простом будущем *ще дам — няма да дам*, так и в других будущих временах. При глаголах нового III спряжения (а это наиболее многочисленная и продуктивная группа) отмечается генерализация окончания *-м* для 1 л. ед. ч. настоящего времени, универсализация основы настоящего времени для образования форм всех времен, например, *искам* (PRS), *исках* (IMPF/AOR), ср. с выбором из трех основ — настоящего времени, аориста и имперфекта при других спряжениях: *чета* (PRS), *четях* (IMPF), *четох* (AOR); распространение окончания 1 л. мн. ч. *-ме* глаголов III спряжения на глаголы других спряжений, что, впрочем, пока еще не признано литературной нормой. Значительное уменьшение дефектности парадигм обнаруживает и категория числа: под натиском системы увеличивается количество стандартных форм, ранее бывших дефектными. К таковым относятся не только бывшие *singularia tantum*, допускающие сейчас и формы мн. ч. типа *политика — политики, чужбина ‘заграница’ — чужбини* (здесь напомним, что в болгарском языке мн. ч. образуется вообще более регулярно, чем в русском, ср. *палто — палта, евро — евра* (разг.)), но и бывшие *pluralia tantum*, в современном языке получающие числовую пару: *дебати → дебат* и даже не вполне еще нормативное *данни → данна*.

Отчетливо выраженная **симметрия** обнаруживается в таких морфологических субсистемах, как личные и притяжательные местоимения, включая и возвратные, где представлены последовательные ряды полных и кратких форм. Симметрично организована темпоральная система индикатива, ренарратива и др.

Некоторым участкам морфологической системы болгарского языка присуща **синкретичность**. В наиболее высокой степени она представлена в страдательных причастных формах ренарратива, конклюдива и дубитатива: так, всем будущим временам индикатива

соответствует в ренарративе одна парадигма, например форма для 3 л. ед. ч. м. р. *цял да е писан* соотносится с индикативными формами *ще е писан* и *щеше да е писан*.

Грамматикализация в разной степени ее проявления [Lehmann 1985] наблюдается в превращении имперфективации в явление полностью грамматического порядка; в становлении глагола желания как показателя будущих времен; в морфемном статусе определенного артикля, развившегося из старого указательного местоимения; в образовании новых рядов неопределенных местоимений, ср. один из рядов со значением 'какой угодно' с устойчивым порядком элементов и утратой изменения по числу глагольного компонента: то есть, наряду с *кой да е*, *коя да е*, *кое да е*, также и *кои* (PL) *да е* (SG) вместо *кои да са* (PL) по отношению к множественному референту и др. Обратим внимание, что значения эвиденциально-адмиративной зоны, тоже грамматикализованные в болгарском языке, вынесены Р. Ницоловой в другую классификационную группу (подраздел 0.4.8. той же главы), где рассматриваются грамлеммы с прагматическими значениями, см. далее.

В отдельном подразделе 0.4.5 приводятся примеры типологически разных морфологических техник, синтетических и аналитических форм. Представляется, что здесь были бы уместны ссылки на типологические работы Ю. С. Маслова, например [Маслов 1981б], и особенно Й. Линдстедта [1981], вычислившего ряд типологических индексов для болгарского языка и получившего результаты, статистически подтверждающие наблюдения Р. Ницоловой о разнонаправленности процессов, действующих в системе болгарского языка (см. также обзор этих работ в [Иванова 2015]).

Еще одной, важнейшей для авторской концепции, особенностью болгарского языка является **прагматическая обусловленность** многих морфологических значений. В нескольких подразделах кратко характеризуется репертуар средств с прагматическим содержанием, преимущественно типологически значимых (с указанием параллелей в других языках), большей частью грамматикализованных или же имеющих специфические способы выражения. Среди именных частей речи прагматически содержателен набор таких средств, как триада артиклей, система неопределенных местоимений, система личных и притяжательных местоимений. Для личных и притяжательных местоимений, например, прагматические правила значимы при обязательности выбора полных форм, находящихся в топике или фокусе. Правила удвоения объекта краткой местоименной формой (характерная балканская черта, ср. параллели в греческом, румынском, албанском) в болгарском языке тоже практически полностью обусловлены информационной структурой: именные группы прямого и косвенного дополнения в начальной позиции топика регулярно удваиваются кратким местоимением (это, в отсутствие падежей существительных, позволяет уточнить субъектно-объектные отношения). При этом, как показано в последующих разделах (с. 221–223), объекты должны быть референтно определенными (*Книгата я чета цял месец* 'Эту книгу я целый месяц читаю'; *Мама я сънувам понякога* 'Мама мне иногда снится'; *Тримата ги арестували* 'Этих троих арестовали [говорят]') или хотя бы специфически неопределенными (*На някого му се родил син* 'У кого-то родился сын'). В особых случаях допускается удвоение вопросительных и отрицательных местоимений: *На кого му се яде нещо сладко?* 'Кому хочется сладкого?'; *На никого не му се умира* 'Никому не хочется умирать'¹.

Прагматически значимым в рамках именной системы предстает и противопоставление общей формы имени — звательной, выбор которой в современном языке уже не является регулярным, а определяется рядом социолингвистических и прагматических факторов; прагматически нагружены также некоторые способы выражения обращения, в частности «обратные обращения» — называние адресата (ребенка или младшего по возрасту) родственным наименованием говорящего: *мама* как обращение матери к ребенку, *тата* 'папа' как обращение отца к сыну или дочери, *леля* 'тетя' как обращение тети к племянникам (с. 70).

¹ Данные употребления вполне соответствуют развиваемым далее на с. 222–223 наблюдениям о связи между структурным типом предложения и возможностью / обязательностью удвоения: в различных предложениях и «желательных» конструкциях удвоение является нормой.

В области глагольных категорий к прагматическим обусловленным относится весь спектр значений (в болгарском языке грамматикализованных), связанных с источником передаваемой говорящим информации (эвиденциальность) и «с контрастом между состоянием незнания и состоянием неожиданно полученного знания» (с. 71), которое удивляет говорящего (адмиратив: *Я, то се мръкнало вече!* ‘Смотри-ка, уже стемнело [оказывается]’). Грамматикализован, как показывает Р. Ницолова, и обратный переход — от знания к незнанию в ситуации припоминания забытого. В этом случае употребляются, однако, не специальные формы, а транспозиции индикативных времен: имперфект, плюсквамперфект и будущее в прошедшем вместо настоящего времени, перфекта и будущего времени соответственно, обычно в контексте вопроса: *Как беше* (IMPF) *ти името, момче?* ‘Как, говоришь, твое имя, мальчик?’ (вместо *Как ти е* (PRS) *името, момче?* ‘Как твое имя, мальчик?’); *Кой беше написал* (PQPF) *този стих?* (вместо *Кой е написал* (PRF) *този стих?* ‘Кто написал это стихотворение?’); *Кога щяхме да се виждаме* (FUT.PST) *с Антония?* (вместо *Кога ще се виждаме* (FUT) *с Антония?* ‘Когда мы увидимся с Антонией?’).

Перечисленные в этих двух «типологических» частях особенности (при многих из описываемых явлений указаны и типологически близкие языки) раскрываются более подробно в последующих главах при рассмотрении каждого из упомянутых явлений по отдельности.

Дальнейшее изложение следует частеречной классификации. Части речи выделяются (с. 73) с опорой на [Anward 2006] на основе следующих признаков: синтаксические функции, семантическая категория, тип морфологии (если имеется). Набор частей речи, рассматриваемых в книге, в целом соответствует списку, принятому в современном болгарском языкознании: имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения, глаголы, наречия, предлоги, частицы, союзы, междометия. Впрочем, местоимения, которым посвящено тщательное многостраничное и разноаспектное описание (с. 208–316)², постулируются не как часть речи, а как класс более высокого уровня, а именно субкласс полнозначных слов, противопоставленный неместоименным полнозначным словам, см. ниже.

Исходя из ориентации грамматики на функционально-семантическую составляющую, с одной стороны, и, несмотря на это, несомненного стремления автора к полноте описания формообразовательных процессов, причем с учетом (не)знаний иноязычного читателя, с другой, книга представляет собой кладезь ценной лингвистической информации многоаспектного характера по каждой из рассматриваемых категорий. К сожалению, формат рецензии не дает возможности отразить обилие сведений, содержащихся в разных разделах книги, но в качестве примера разнообразия информации, которую можно в ней почерпнуть, приведем краткое (с. 107–111), но емкое описание так называемой «счетной формы» (образуемой для неличных существительных мужского рода при их сочетании с количественными числительными или местоимениями *колко, толкова, няколко*), которая в грамматиках обычно представлена довольно схематично.

Сначала читатель получает всю необходимую информацию об образовании счетной формы от разных основ, включая отдельный подраздел о звуковых изменениях, и сведения о типичных синтаксических контекстах употребления. Затем приводятся наблюдения о ее позиции в рамках именной группы и соотносительности с детерминаторами; о редких случаях использования счетной формы с одушевленными именами; о выборе формы в случае полисемии или омонимии имени, когда принадлежность к разным подклассам существительных (лицо — нелицо) определяет разные формы и имен числительных, и самих существительных, ср. *Двмата офицери се ръкуваха* и *Двата офицера стояха на една линия*, где *двата офицери* ‘эти двое офицеров’ / ‘оба офицера’ — определенная лично-мужская форма числительного *два* с личным существительным *офицер* в форме мн. ч., а *двата офицера*

² У автора имеется богатый предшествующий опыт исследования местоимений, включая первую и до сих пор единственную в болгарской лингвистике обобщающую монографию об этой части речи [Ницолова 1986].

‘эти два слона’ / ‘оба слона’ (о шахматных фигурах) — определенная форма числительного *два* в сочетании со счетной формой от неодушевленного омонима *офицер*.

Отдельно отмечаются важные синтаксические условия, препятствующие употреблению счетной формы и требующие выбора обычного мн. ч., такие как предложное связывание (*Колко от представените проекти (PL) са одобрени?* ‘Сколько из представленных проектов одобрены?’); расщепление количественного сочетания (*Два са трудните въпроси (PL)* ‘Трудных вопросов — два’); употребление между числительным и существительным счетных слов: *три броя чаршафи (PL)* ‘три штуки простыней’. При этом правила использования счетной формы ослабевают при возрастании дистанции между числительным и существительным, а также испытывают колебание под воздействием диалектов. Показаны значительные ограничения на образования счетной формы при частях речи, имеющих признаки числительных и существительных.

Далее остановимся более подробно на разделах, где разработки Р. Ницоловой имеют наибольшую теоретическую значимость при представлении дискуссионных и сложных категорий.

Значительное место в ВГ уделено семантике детерминации и употреблению триады артиклей («Determination of nouns», с. 122–172). Детерминация рассматривается как сложное семантико-прагматическое явление не только уровня именной группы, но и всего предложения, а также как важный элемент связности текста. При описании детерминации Р. Ницолова обращается, с одной стороны, к уже привычному для этой проблематики референциальному анализу (установлению отношения между референтом именной выражения и действительностью), а с другой — к еще двум типам отношений, рассматриваемых в отдельных разделах ВГ: «референт : другие объекты того же типа» и «лицо : референт». Варианты отношения референта к другим объектам того же типа или рода (если объект не уникален) связаны с обращением к экстенсионалу и интенсионалу слова. Разные возможности отношения «лицо : референт» выражаются в том, что лицо может выступать как говорящий, слушатель, автор репродуцируемой речи и ее воспроизводящий, а также как слушатель репродуцируемой речи, причем важно совпадение / несовпадение отношения автора и воспроизводящего к референту. Учет последнего фактора, которым обычно пренебрегают при описании артиклевой маркированности, действительно оказывается эффективным способом объяснить случаи выбора нулевого артикля вместо других в ситуациях передачи несвидетельской информации при отсутствии контрастного контекста (см. развернутый пример и его обстоятельный разбор на с. 139–140). Эти наблюдения, как кажется, могут быть приложимы и к проблемным и пока плохо объяснимым случаям «устранения» артиклей в языке современной публицистики.

Ценным представляется раздел «Pronouns», в котором описана система местоимений и роль местоимений в информационной структуре высказывания, выражении прагматической оценки, вопросы синонимии и конкуренции местоимений, — исследование, которое не имеет аналогов в болгарском языкознании. В то же время в ВГ предложена и теоретическая платформа описания местоимения как части речи. Значение местоимений определяется как комбинация категориальных признаков, которые «указывают на наиболее близкий род объекта», обозначенного референтом местоимения (например, лицо, предмет, качественный признак, место и т. п.), с реляционными признаками, обозначающими отношение, в которое вступает референт местоимения (с. 213). Реляционные признаки бывают двух видов: это, во-первых, отношение тождества / нетождества с объектом речевой ситуации или референтом другого именного выражения (контролером / антецедентом) и, во-вторых, отношение субъекта (говорящего, слушающего, автора речи, воспроизводящего чужую речь) к референту местоимения, являющемуся элементом в рамках определенного множества объектов того же рода. Первый вид отношения обозначается указательными, личными, возвратными, притяжательными, возвратно-притяжательными и относительными местоимениями. Второй вид представляет своего рода инструкцию слушателю, каким образом референт может быть отчленен от множества [Левин 1973: 108]. Вопросительные, неопределенные

и определительные (болг. *обобщителни*, англ. *universal*) местоимения представляют свой референт как элемент или множество непустого множества. Пустые множества обозначаются отрицательными местоимениями.

При рассмотрении неопределенных местоимений, представленных разнообразными рядами форм (и, сразу заметим, не имеющих однозначных русских параллелей), в качестве дифференцирующих факторов выдвигаются квантифицирующие (количественная характеристика референта), прагматические, включающие фактор воспроизведенной или авторской речи и ценностную оценку при выборе из множества, и референциальные признаки. При рядах неопределенных местоимений с *ня-* / *не-* референция может быть неспецифическая для обоих собеседников, например *Купи ми, моля, нещо за ядене* 'Купи мне, пожалуйста, что-нибудь поесть', или специфическая только для говорящего, например *Купих ти нещо за ядене* 'Я купил тебе кое-что поесть'. Ряды с *еди-* предполагают неопределенность только для слушающего, но их главная специфика в том, что их неопределенность — «вторичная», они используются лишь в воспроизведенной речи (чужой или собственной): *Всички говореха, че светите братя от еди-кой си орден пазели султана като очите си* 'Все говорили, что святые братья из некоего ордена берегли султана как зеницу ока'; ср. употребление их в одном контексте с указательными местоимениями (*това и това*) в той же функции: *Той ми каза: ще отидеш еди къде-си и ще свършиш това и това* 'Он мне сказал: пойдешь туда-то и туда-то и сделаешь то-то и то-то'.

При двух рядах *indefinita* с *-то и да е* (*който и да е, какъвто и да е, където и да е...*) и *да е* (*кой да е, какъв да е, къде да е...*) референт может быть только неспецифическим, будучи одним из элементов дизъюнкции в рамках множества М, причем при рядах с *-то и да е* дизъюнкция охватывает все множество элементов, независимо от их значимости для говорящего, а при рядах с *да е* — только подмножества низкой значимости (ср. русск. *какой попало, первый попавшийся*) и средней значимости. Таким образом, первый ряд местоимений предполагает произвольный выбор референта, а второй — частично произвольный, так как не включает высокочисленное подмножество, ср. сначала примеры с *-то и да е*: *Ще намериш книгата в която и да е библиотека* 'Найдешь эту книгу в любой библиотеке'; *Момчетата съветваха никога да не отхвърляш каквото и да е обвинение* 'Ребята советовали никогда не отмахиваться от какого бы то ни было обвинения' — и примеры с *да е*: *Пренощуваше къде да е и продължаваше* 'Ночевал где придется и ехал дальше'; *Ще питам кого да е за пътя* 'Спрошу дорогу у кого-нибудь [кто попадется]'. Эти ряды дают и разные семантические реакции в отрицательных предложениях. Далее следуют увлекательные параграфы (которых в книге немало) о выражении прагматической оценки неопределенными местоимениями и их семантическом потенциале, включая конкуренцию между ними и переосмысления.

Болгарскому глаголу — наиболее богатому грамматикализованными категориями из всех славянских языков — посвящена наибольшая часть книги, почти 300 страниц («Verbs»). Болгарский вид описан как формообразовательная и семантическая категория. В разделе о залоге автор предлагает вариант залоговой классификации с введением макроролей «*actor*» и «*undergoer*». В целом, как и принято сейчас в современной болгарской теории залога, см., например, [Коева 2004], классификация носит морфосинтаксический характер, поскольку учитывает для ряда безличных глаголов такие синтаксические характеристики, как обязательность употребления кратких форм дательного и винительного падежа. Обратим внимание на введение в английском издании нового подраздела о дискуссионном в болгаристике экзистенциальном пассиве (безличный глагол *има* со страдательным причастием прошедшего времени), где описаны правила его образования, см. вариант с имперфективным причастием: *Има много преведани от гръцки език съчинения* 'Много сочинений переводилось с греческого' (с. 380).

Представленная в разделе «Tense» темпоральная система болгарского языка строится на значительно обогащенной Р. Ницоловой модели из [Reichenbach 1947]. Используется следующая темпоральная онтология: различаются моменты и интервалы (см. [Bartsch

1986; Guentchéva 1990]), которые могут быть открытыми или закрытыми, соположенными или разделенными другим интервалом на временной оси. Основную роль при темпоральной ориентации действия E играет момент речи T_0 , который служит для определения темпорального плана как настоящего, прошедшего или будущего. Помимо него в качестве второго ориентира используется интервал референции («окно наблюдения») R , который говорящий имеет в виду, когда производит соответствующую глагольную форму. R может включать в себя T_0 (только при настоящем времени и перфекте). R может быть мультиплицировано, когда обозначаются итеративные действия, а может охватывать и всю темпоральную ось — как при настоящем гномическом. Важной особенностью R , не отмеченной в [Reichenbach 1947], является мобильность R на оси времени: даже при одном и том же времени R может занимать разное место по отношению к T_0 . При основном употреблении того или иного времени информация о месте R содержится в грамматическом значении глагольной формы, а при перемещении в другой темпоральный план такая информация содержится в высказывании (обстоятельства времени, придаточные временные) или в контексте. Важно, что интервал действия E движется вместе с R , которое перемещается по отношению к T_0 по оси времени, но во всех случаях в одном и том же времени отношение между E и R остается постоянным.

Полнота описания темпоральной системы достигается введением, помимо указанных параметров, дифференциальных признаков континуативность/неконтинуативность и результативность/акциональность. Хотя эти признаки иногда считаются аспектуальными в широком смысле слова, в модели Р. Ницоловой они представлены как темпоральные: для первой пары признаков — через разное соотношение времени ситуации и окна наблюдения, для второй, при результативных временах, — через две темпоральные ориентации (глагольного действия и результата действия). Темпоральная ориентация действия в болгарских акциональных и результативных временах характеризуется симметричным построением, что наглядно иллюстрирует и таблица на с. 377 книги. Вне этой симметрии остается аорист, который, однако, находится в соотнесенности с перфектом: оба действия по отношению к моменту речи являются прошедшими, хотя их интервалы референции имеют различную локализацию по отношению к моменту речи.

ВГ представляет читателю и новую теоретическую модель описания эвиденциальности, в болгарском языке морфологически хорошо развитую, но трудную для описания вследствие ее «модализованности» — тесной связи с модальными значениями (здесь автор опирается на [Plungian 2001: 321–325]). Эвиденциальность «грамматикализует когнитивные состояния говорящего, связанные с получением и категоризацией информации, поступающей из того или иного источника» (с. 471). В концепции Р. Ницоловой эвиденциальная система в болгарском языке представлена четырьмя граммемами: индикатив, конклюдив, ренарратив и дубитатив. Для них предлагаются следующие противопоставления: 1) собственная информация (индикатив, конклюдив) — чужая информация (ренарратив, дубитатив); 2) информация, основанная на личном опыте, — общие знания (*shared experience*) в рамках индикатива (ср. *Вчера Иван дойде у нас* ‘Вчера Иван пришел к нам’ и *Водата ври при 100 градуса* ‘Вода кипит при 100 градусах’); 3) прямая информация (индикатив) — опосредованная информация (конклюдив, ренарратив, дубитатив); 4) способ получения информации (сенсорное восприятие, эндофорическое восприятие, умозаключение, чужая речь), см. [Willett 1988: 57; Plungian 2001: 353]. Автор принимает, вслед за [Fitneva 2001: 413–414], положение о том, что эвиденциальные значения, указывая на источник информации, содержатся в пресуппозиции высказывания, лишь опосредованно соотносясь с истинностью высказывания, а в случае дубитатива означают и сомнение говорящего относительно истинности передаваемого сообщения.

Все эвиденциальные значения рассматриваются в рамках гиперкатегории «Характеристика передаваемой информации», которая представлена двумя гипернаклонениями — актуальной и воспроизведенной речи; они различаются тем, кто является субъектом, устанавливающим отношение действия к действительности: только говорящий (при актуальной речи)

или автор речи (при воспроизведенной речи). В рамках той же гиперкатегории и тех же двух гипернаклонений, помимо эвиденциальных граммем, рассматривается и ряд других форм с модальным значением: адмиратив, *да-* и *нека (да)-* формы, презумптив и др. Вся эта система обобщена в таблицах на с. 458 и 465–466.

В следующих обширных разделах читатель найдет подробнейшее описание значения эвиденциальных и модальных форм, соотношенности между ними, их образования, употребления, обсуждение спорных вопросов о существовании в болгарском языке презумптива (который заявлен как недоразвившаяся грамматическая категория), конъюнктива (наличие которого отрицается). Раскрыты темпоральные особенности эвиденциальных форм; показано, что в системе болгарского языка темпоральные формы конклюдива, ренарратива и дубитатива представлены значительно редуцированными по сравнению с индикативом, и чаще всего формальные различия проявляются в 3 л. Важной составляющей этой темы видится описание (с опорой на исследования других болгаристов, в том числе ряд работ Е. И. Дёминой, например [Дёмина 1959], к эвиденциальной концепции которой автор не раз обращается в данной главе) употребления эвиденциальных форм в различных регистрах: в разных типах повествования, в публицистике, в научной и разговорной речи. Крупный раздел отведен системе *да-*форм и *нека(да)-*форм, объединяемых общим признаком «ирреальность» и демонстрирующих богатство функций и прагматических значений.

Отметим и несколько моментов, которые могли бы улучшить содержание и восприятие книги.

1. Как правило, автор внимательно относится к отбору концепций и наблюдений других лингвистов, но приведем два случая, когда требовалось бы проявить большую критичность. При описании детерминации не кажется эффективным выбор укрупненной классификации, отделяющей от референтных употреблений довольно размытую зону нереферентности. «При нереферентном употреблении имя с нулевым артиклем и в некоторых случаях с *един* обозначает только пропозициональную функцию “быть x-ом” и является предикатом в семантической структуре (главным предикатом или второстепенным предикатом в составе какого-л. комплексного аргумента)» (с. 133). В эту группу нереферентных имен попадает обширный набор случаев (с. 133–139), которые включают (используем терминологию денотативных статусов Е. В. Падучевой [1985: 86–101]) и предикатное употребление, например *Антонов е писател* ‘Антонов — писатель’ или *Той се смята за гений* ‘Он считается гением’, и разнообразные варианты субстантивных нереферентных употреблений (*жена с руса коса* ‘женщина со светлыми волосами’, *училище за слепи* ‘школа для слепых’; *килограм ягоди* ‘килограмм клубники’, *имам надежда* ‘иметь надежду’, *играя шах* ‘играть в шахматы’, *разнасям писма* ‘разносить письма (о виде деятельности)’). На наш взгляд, учет более дробных группировок, а главное — разграничение предикатных употреблений и субстантивных нереферентных и разновидностей последних, дало бы большую объяснительную силу для соотношения артиклей с денотативным статусом имени.

Здесь же упомянем возникающий при чтении этого раздела вопрос: каково же отношение автора к (казалось бы, принятому современной болгарской лингвистикой) положению В. Станкова [1984] о том, что при слабоопределенных (специфически неопределенных) именных группах неопределенный артикль *един* выступает как регулярный морфологический показатель?³

Другой пример. При описании «безличного залога» встает вопрос об условиях формирования «желательных безличных конструкций» (с. 346–347), например *Разхожда ми се* ‘Меня тянет погулять’ / ‘I feel like going for a walk’. Автор некритично цитирует Й. Пенчева

³ Обратим внимание читателя на то, что в болгарском языке основным артиклем зоны неопределенности, противопоставленным определенному, является нулевой. Единственная позиция, полностью принадлежащая неопределенному артиклю *един*, — это как раз слабоопределенные употребления: *Обади ми се една позната, която не бях виждала от 10 години* ‘Мне позвонила одна знакомая, которую я уже лет десять не видела’.

[1998: 150], утверждавшего, что такие конструкции образуются от глаголов с признаком «длительность». Однако это не так. Болгарская конструкция, имеющая значение предрасположенности к действию⁴, вполне может образовываться и от моментальных глаголов, см. примеры из [Иванова, Градинарова 2015: 187–189]: *В един момент усещаш как ти се вдига скандал* ‘В какой-то момент чувствуешь, как тебя тянет поднять скандал’, букв. ‘... как тебе поднимается скандал’; *Не му се сядаше зад бюрото* ‘Ему не хотелось садиться за письменный стол’, букв. ‘ему не садилось’; *Не ми се скачаеше долу, страхувах се* ‘Мне не хотелось прыгать вниз, я боялся’, букв. ‘мне не прыгалось’. При этом реальные ограничения на порождение болгарской модели имеют глаголы с сочетанием признаков «моментальность» и «неконтролируемость».

2. На фоне обширных разделов, посвященных основным частям речи, понятен небольшой объем, выделенный для служебных элементов. Все же, учитывая, что книга предназначена для иностранных читателей, желательно бы было уделить большее внимание таким популярным у исследователей явлениям, как дифференциация по семантике различных частиц, например вопросительных, которыми богат болгарский язык, или же уточненные толкования союзов, например такого специфического, как *хем... хем*, представляющего в ВГ как синоним *и... и* (оба переведены как *both... and*, с. 646). Между тем специфика союза *хем... хем* состоит в том, что он регулярно соединяет разнородные или даже противоречивые признаки, то есть ‘с одной стороны... с другой стороны’; так, именно он передает русскую поговорку *И хочется, и колется* — *Хем ми се иска, хем не ми стиска*. Другим вариантом решения мог бы быть более обширный список библиографических отсылок в этих разделах, благо таких разработок в болгарской лингвистике сейчас предостаточно.

3. В книге отсутствует нумерация глав. Это особенно затрудняет читателя в частях, посвященных (гипер)наклонениям и *да*-формам, так как без ознакомления с концепцией автора не всегда ясна иерархия подразделов. К сожалению, нет предметного указателя. Впрочем, исключительно подробное содержание, занимающее 13 страниц, в определенной мере компенсирует его отсутствие.

Вызывают досаду оформительские решения издательства: мелкий шрифт и узкие поля, явно недостаточные для толстой книги, создают неудобства при чтении.

В заключение еще раз подчеркнем, что книга Р. Ницоловой представляет (теперь уже и англоязычному) читателю ценный научный материал с подробными авторскими теоретическими выкладками, новыми идеями, актуальной литературой. ВГ является богатым источником сведений о болгарском языке; широкая картина функционирования анализируемых форм создается привлечением не только материала литературного языка, но и живых конструкций разговорной речи, включая формы и значения, еще (или уже) не считающиеся нормативными, но иллюстрирующие те или иные тенденции развития. Несомненно, с выходом этой книги тысячи исследователей смогут сказать так же, как и Игорь Мельчук (с. 19): «Dear friend, You asked me what I do when I need a really tricky piece of information about Bulgarian morphology? ‘Elementary,’ as Sherlock Holmes would say. I go to Nicolova’s *Bulgarian Grammar*».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AOR	— аорист	PRS	— настоящее время
FUT	— будущее время	SG	— единственное число
FUT.PST	— будущее в прошедшем	PQPF	— плюсквамперфект
IMPF	— имперфект	PRF	— перфект
PL	— множественное число		

⁴ Это отличает болгарскую конструкцию от русской модели, в толкование которой в качестве пресуппозиции включен компонент *X делает P* [Апресян 2005: 10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андрейчин 1978 — Андрейчин Л. Основна българска граматика. София: Наука и изкуство, 1978. [Andreichin L. *Osnovna b'lgarska gramatika* [Basic Bulgarian grammar]. Sofia: Nauka i Izkustvo, 1978.]
- Апресян 2005 — Апресян Ю. Д. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 3–28. [Apresjan Yu. D. On the Moscow Semantic School. *Voprosy Jazykoznanija*. 2005. No. 1. Pp. 3–28.]
- Дёмина 1959 — Дёмина Е. И. Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке // Бернштейн С. Б. (отв. ред.). Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 313–378. [Demina E. I. Narrative forms in Modern Standard Bulgarian. *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka*. Bernshtein S. B. (ed.). Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959. Pp. 313–378.]
- Иванова 2015 — Иванова Е. Ю. Артиклевая система болгарского языка в работах Ю. С. Маслова и в современных концепциях // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 3. 2015. С. 84–97. [Ivanova E. Yu. Bulgarian article system in the works of Yu. S. Maslov and in modern conceptions. *Vestnik SPbGU*. Ser. 9. *Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 2015. No. 3. Pp. 84–97.]
- Иванова, Градинарова 2015 — Иванова Е. Ю., Градинарова А. А. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Ivanova E. Yu., Gradinarova A. A. *Sintaksicheskaya sistema bolgarskogo yazyka na fone russkogo* [The syntactic system of Bulgarian against the background of Russian]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2015.]
- Коева 2004 — Коева С. Семантично и синтактично описание на диатезите в българския език // Пенчев Ъ. и др. (ред.). Българско езикознание. Т. 4: Когнитивна граматика на българския и френския език — описание и формализация. София: Изд-во на БАН, 2004. С. 182–231. [Koeva S. Semantic and syntactic description of diathesis in Bulgarian. *B'lgarsko ezikoznanie*. Vol. 4: *Kognitivna gramatika na b'lgarskiya i frenskiya ezik — opisanie i formalizatsiya*. Penchev I. et al. (eds.). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 2004. Pp. 182–231.]
- Куцаров 2007 — Куцаров И. Теоретична граматика на българския език: морфология. Пловдив: Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 2007. [Kutsarov I. *Teoretichna gramatika na b'lgarskiya ezik: Morfologiya* [Theoretical Bulgarian grammar: Morphology]. Plovdiv: Paisii Khilendarski Univ. Publ., 2007.]
- Левин 1973 — Левин Ю. И. О семантике местоимений // Зализняк А. А. (ред.). Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973. С. 98–127. [Levin Yu. I. On semantics of pronouns. *Problemy grammaticheskogo modelirovaniya*. Zaliznyak A. A. (ed.). Moscow: Nauka, 1973. Pp. 98–127.]
- Линдстедт 1981 — Линдстедт Ъ. Един цялостен подход към аналитизма на българския език // Пашов П., Брезински С., Цанева М. (ред.). Българистични изследвания: Първи българо-скандинавски симпозиум (24–30 септември 1979 г.). София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1981. С. 12–18. [Lindstedt I. An integrated approach to analytism in Bulgarian. *B'lgaristichni izsledvaniya: P'rvi b'lgaro-skandinavski simpozium (24–30 septemvri 1979 g.)*. Pashov P., Brezinski S., Tsaneva M. (eds.). Sofia: St. Clement of Okhrid Univ. Publ., 1981. Pp. 12–18.]
- Маслов 1981a — Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981. [Maslov Yu. S. *Grammatika bolgarskogo yazyka* [A grammar of Bulgarian]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1981.]
- Маслов 1981b — Маслов Ю. С. Към типологическата характеристика на българския език // Език и литература. 1981. Кн. 5. С. 6–9. [Maslov Yu. S. Towards the typological characteristic of Bulgarian. *Ezik i literatura*. 1981. Book 5. Pp. 6–9.]
- Ницолова 1986 — Ницолова Р. Българските местоимения. София: Наука и изкуство, 1986. [Nitsolova R. *B'lgarskite mestoimeniya* [Bulgarian pronouns]. Sofia: Nauka i Izkustvo, 1986.]
- Ницолова 1998 — Ницолова Р. Условные конструкции в болгарском языке // Храковский В. С. (отв. ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 129–161. [Nitsolova R. Conditional clauses in Bulgarian. *Tipologiya uslovnykh konstruksii*. Hrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1998. Pp. 129–161.]
- Ницолова 2004 — Ницолова Р. Уступительные конструкции в болгарском языке // Храковский В. С. (отв. ред.). Типология уступительных конструкций. СПб.: Наука, 2004. С. 95–136. [Nitsolova R. Concessive clauses in Bulgarian. *Tipologiya ustupitel'nykh konstruksii*. Hrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2004. Pp. 95–136.]
- Ницолова 2007 — Ницолова Р. Модализованная эвиденциальная система болгарского языка // Храковский В. С. (отв. ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Натальи

- Андреевны Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. С. 105–195. [Nitsolova R. Modalized evidential system of the Bulgarian language. *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statei pamyati Natal'i Andreevny Kozintsevoi*. Хракoвский V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007. Pp. 105–195.]
- Ницолова 2008/2013 — Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 2008. 2-е изд., 2013. [Nitsolova R. *B'lgarska gramatika. Morfologiya* [The Bulgarian grammar. Morphology]. Sofia: St. Clement of Ochrid Univ. Publ., 2008.]
- Ницолова 2009 — Ницолова Р. Таксис в българском языке // Храковский В. С. (отв. ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 117–160. [Nitsolova R. Taxis in Bulgarian. *Tipologiya taksisnykh konstruksii*. Хракoвский V. S. (ed.). Moscow: Znak, 2009. Pp. 117–160.]
- Ницолова (в печати) — Ницолова Р. Таксис в българском языке // Храковский В. С. (отв. ред.). Таксис в славянских языках (в печати). [Nitsolova R. Taxis in Bulgarian. *Taksis v slavyanskikh yazykakh*. Хракoвский V. S. (ed.). In print.]
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985. [Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu: referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii* [Utterance and its relationships with reality: Referential aspects of semantics of pronouns]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Пенчев 1998 — Пенчев Й. Синтаксис на съвременния български книжовен език. Пловдив: Неделник, 1998. [Penchev I. *Sintaksis na s'vremenniya b'lgarski knizhoven ezik* [The syntax of Modern Standard Bulgarian]. Plovdiv: Nedelnik, 1998.]
- Плунгян 2003 — Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. 2-е изд. М.: Издательство УРСС, 2003. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to problematics]. Moscow: Editorial URSS, 2000.]
- Станков 1984 — Станков В. За категорията «неопределеност на имената» в българския език // Български език. 1984. Кн. 3. С. 195–205. [Stankov V. On the category «indefiniteness of nouns» in Bulgarian. *B'lgarski ezik*. 1984. Book 3. Pp. 195–205.]
- Стоянов 1964 — Стоянов С. Граматика на българския книжовен език. Фонетика и морфология. София: Наука и изкуство, 1964. [Stoianov S. *Gramatika na b'lgarskiya knizhoven ezik. Fonetika i morfologiya* [A grammar of Standard Bulgarian. Phonetics and morphology]. Sofia: Nauka i izkustvo, 1964.]
- Anward 2006 — Anward J. Word classes / parts of speech: Overview. *Encyclopedia of language and linguistics*. 2nd ed. Brown K. (ed.). New York: Elsevier Science, 2006. Pp. 628–632.
- Bartsch 1986 — Bartsch R. On aspectual properties of Dutch and German nominalisations. *Temporal structure in sentence and discourse*. Lo Cascio V., Vet Co (eds.). Dordrecht: Foris, 1986. Pp. 7–40.
- Fitneva 2001 — Fitneva S. A. Epistemic marking and reliability judgments: Evidence from Bulgarian. *Journal of Pragmatics*. 2001. Vol. 33. No. 3. Pp. 401–420.
- Guentchéva 1990 — *Temps et aspect : L'exemple du bulgare contemporain*. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1990.
- Lehmann 1985 — Lehmann Ch. Grammaticalization: Synchronic variation and diachronic change. *Lingua e stile*. 1985. Vol. 20. No. 3. Pp. 303–318.
- Matthews 1972 — Matthews P. H. *Inflectional morphology (a theoretical study based on aspects of Latin verb conjugation)*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1972.
- Mayerthaler 1981 — Mayerthaler W. *Morphologische Natürlichkeit*. Wiesbaden: Athenaion, 1981.
- Plungian 2001 — Plungian V. A. The place of evidentiality within the universal grammatical space. *Journal of Pragmatics*. 2001. Vol. 33. No. 3. Pp. 349–357.
- Reichenbach 1947 — Reichenbach H. *Elements of symbolic logic*. New York; London: MacMillan, 1947.
- Willett 1988 — Willett Th. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality. *Studies in Language*. Vol. 12. No. 1. Pp. 51–97.